

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-275-286

О. М. Мазаненко¹

*Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского (Луганск, ЛНР)*

ПРАКТИКА ВИЗУАЛИЗАЦИИ МИФА В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА

В статье представлена аналитика современного визуального инструмента «Метафорические ассоциативные карты» с культурно-философских позиций, определяющих эффективность использования данного инструмента в психологической практике. Автор выдвигает трактовку Метафорических ассоциативных карт как посредников-символов, воспроизводящих архетипические представления о мире посредством различных кодов. Логика решения задач исследования движется от определения психологической значимости метафорических карт к феноменологическому полю понимания рефлексии субъективного ощущения жизненного мира. И затем к онтологическим горизонтам, связанным со схватыванием мифологической картины мира, актуализацией которого выступают метафоры как деятельные ориентиры и регуляторы.

Ключевые слова: Метафорические ассоциативные карты, миф, жизненный мир, метафора, символ, ассоциация

О. М. Mazanenko

Matusovsky Academy of Culture and Arts (Lugansk, LNR)

MYTH VISUALISATION PRACTICE IN PHENOMENOLOGICAL REFLECTION OF THE LIFEWORLD

The article presents the analysis of the modern visual tool “Metaphorical associative maps” from cultural and philosophical positions that determine the effectiveness of using this tool in psychological practice. The author puts forward the interpretation of Metaphorical

¹ Оксана Михайловна Мазаненко – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Академии Матусовского (Луганск, ЛНР). E-mail: oksanamazanenko@gmail.com.

associative maps as intermediaries-symbols reproducing archetypal representations of the world through various codes. The logic of solving research problems moves from determining the psychological significance of metaphorical maps to the phenomenological field of understanding the reflection of the subjective feeling of the life world. And then to the ontological horizons associated with grasping the mythological picture of the world, the actualization of which is metaphors as active reference points and regulators.

Keywords: Metaphorical associative maps, myth, lifeworld, metaphor, symbol, association

Введение

Исследовательский интерес к проблематике визуализации мифа в феноменологической рефлексии жизненного мира обусловлен многолетним опытом автора в сфере психологического консультирования и поиском теоретико-методологических обоснований арт-терапевтической методики. Актуальность и обширность этой темы обусловлена множеством направлений творческого самовыражения, применяемых в музыкальной, хореографической, игровой сценической арт-практике, литературе. Высокую эффективность в психологической практике демонстрируют визуальные арт-инструменты – от традиционного изобразительного и неизобразительного искусства до сетевого и цифрового творчества. Такая самоактуализация, опирающаяся на проективное самовыражение при помощи визуального художественного материала, основана на композиционном структурировании зрительного поля, что позволяет сознанию стать объектом, темой созерцания самого себя.

Предметом данной статьи выступит современный проективный инструмент – наборы визуальных метафор, которые в психотерапевтической практике имеют определение метафорических, символических, ассоциативных карт (далее в тексте МАК). Внешне они представляют собой открытки, картинки с изображением различных ситуаций, картин природы, фигур животных, абстрактных узоров, образов и лиц людей. По исполнительскому решению, эти наборы представляют собой эстетически оформленные символы, для выражения которых были использованы различные средства художественной выразительности визуального ряда.

Первое появление метафорических визуальных карт связывают с именем искусствоведа и художника Э. Рамана. Он руководствовался идеей выведения искусства из галерей, где оно является только предметом пассивного созерцания и стремился сделать его более доступным для человека, что называется «искусством на ладони». Постепенно, синтезируя достижения культурологии,

эстетики, психологии, психиатрии этот продукт стал соотноситься с активизацией творческого потенциала. Усмотрев в этом огромные возможности и многофункциональность метафорических картинок, сегодня многие авторы продолжают активно разрабатывать такую визуализацию метафор в зависимости от решаемых целей и собственных концепций. Назовем некоторые наборы метафор: «ОН», «Хабитат», «Persona», «Core», «Морена», «ЕССО» и др.

Психотерапевт М. Эгетмейер описывая терапевтически-ассоциативный эффект МАК как «вещь в руках», делится собственными впечатлениями о возможностях использования этого инструмента, многообразии способов его практического применения, а также уникальном механизме эмпатического вчувствования, осознания и аутентичного выражения через них собственного Я [Кац, Мухаматулина, 2015, с. 87]. Многие специалисты, использующие МАК как инструмент психологической практики, описывают удивительную способность человеческого сознания органично встроить в свой жизненный мир, в психологический контент любой внешний стимул.

Создание визуальных наборов метафорических изображений сегодня подкреплено внушительной методологической базой в психотерапевтическом ключе (Н. Буравцова, Н. Дмитриева, Г. Кац, Е. Морозовская, Е. Мухаматулина, О. Ушакова, И. Шмулевич, М. Эгетмейер и др.). Вместе с тем, накопленный практико-ориентированный материал по данной проблематике требует не только системного обобщения, но и обоснования как значимого культурного явления современности. Целью данной статьи является аналитика МАК с культурфилософских позиций, определяющих эффективность использования данного инструмента в психологической практике.

Метафорические ассоциативные карты как феномен актуализации мифа

В современных условиях очевидным является обострение экзистенциального кризиса человечества на фоне ощущения утраты связи с прошлым, своей историей, корнями, традиционными человеческими ценностями. Одной из причин такого положения выступает отсутствие ориентиров в переработке огромного потока информации, достоверность которой проверить человеку сложно. Поэтому большинство современных исследователей в области социально-гуманитарных наук все чаще говорят о возрастающей роли мифов как неотъемлемой ориентирующей и регулирующей части массовой культуры, априорной и универсальной форме сознания, принципиально неустранимой в постижении бытия.

Выдвинем гипотезу о том, что эффективность работы МАК связана с актуализацией мифов, что позволяет этому инструменту выступать в качестве ориентира и регулятора в динамичном разнообразии современной действительности. Далее последовательно развернем доказательную базу.

Отправной точкой нашей риторики станет прояснение концепта мифа. Генезис и эволюция представлений о мифе прошла путь от понимания этого феномена как иллюзий, фантазий и домыслов до объективного способа познания действительности. В работах отечественных и зарубежных исследователей (Э. Я. Голосовкер, Б. Л. Губман, Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, Ф. Х. Кессиди, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев, Б. Малиновский, В. М. Пивоев, Э. Тайлор, К. Хьюбнер, М. Эдиадэ, К.-Г. Юнг и др.) миф трактуется как форма особого постижения действительности, обладающая характеристиками преемственности, эвристичности и аксиологической интерпретативности.

Мы солидарны с обобщенной характеристикой мифа антропологом Б. Малиновским, который характеризует основные функции мифа: 1) обеспечение непрерывности культурной традиции; 2) регулирование социального взаимодействия; 3) регуляция собственного поведения и состояния [Малиновский, 1999].

Причем фундирующим основанием представленных социально-психологических функций является трансцендентальная природа сознания, обращающаяся к сверхъестественной реальности посредством воображения как уникальной творческой способности человека.

По определению Г. Гегеля, миф есть начальная форма мышления, фантазирующий разум, познание, основанное на символизме, всеобщей персонализации и метафорическом сопоставлении [Гегель, 1992, с. 72].

Э. Я. Голосовкер находит удачное определение воображению, называя его «разумной творческой силой», имагинативным абсолютом, который способствует раскрытию мифа в образно-символической форме [Голосовкер, 1987, с. 140]. Другими словами, миф является основой нашего восприятия действительности, и посредством его раскрытия с помощью воображения в образно-символической форме он конструирует картину «Я-в-Мире-Мир-во-Мне», достраивая, упорядочивая недостающие данности до целостного конструкта. А. Ф. Лосев подчеркивает, что полученный мифический образ картины Мира человеком воспринимается уже не как игра фантазии или вариация интерпретации, а реальная очевидная данность [Лосев, 1994, с. 19].

По мнению В. Феллера, значение мифа состоит в том, что с его помощью человек выполняет сверку реального настоящего с архетипичными образами, паттернами поведения, переживаниями, определяя факт своего бытия как такового. Эта данность не имеет причинного объяснения, она есть особая форма мироощущения – синкретичная, чувственно-образная [Феллер, 2000, с. 115].

МАК являются образно-символической переработкой мифа в плоскости эстетических и культурных соответствий. Другими словами, это артефакт культуры, своеобразная рамка, сотканная многообразием культурно-исторического опыта, интегральное «схватывание» картины.

Практическая плоскость актуализации мифов в Метафорических ассоциативных картах нацелена на осваивание не проясненных зон человеческого сознания. Акцент делается на отказе от адаптированных приемов и предложении новых возможностей формирования культурной среды, человеческой эмоциональности и т. п. Хотя справедливо будет отметить, что их интерпретация пока превосходит понятийный аппарат науки, обнаруживая себя большей частью в метафорах и художественных образах. Поэтому значительным потенциалом в культурфилософском понимании творческого конструирования образа Мира обладает описательный метод, доступный в феноменологической исследовательской установке. Приведем аргументацию в пользу последнего тезиса.

Сознание, согласно Э. Гуссерлю, не является отражательно-созерцательным феноменом. Оно есть активное конституирование, деятельностное осмысление действительности через целостность рефлексивных и дорефлексивных сторон, как некий мысленный, чувственный, ассоциативный «поток», в котором объединены внутреннее и внешнее. Феноменологические идеи сосредоточены на экзистенциальном сознании как проявлении индивидуального жизненного опыта, в качестве определяющей характеристики которого названа интенциональность как направленность вовне. Э. Гуссерль говорит об априорной интенциональности как базовой характеристике сознания, она проявляется как «сознание о ...» посредством мышления, через которое в действительность привносятся личностные смыслы [Гуссерль, 1999, с. 84].

Феноменология не противопоставляет субъективное и объективное в качестве биполярных полюсов восприятия. Она обращается к особой квази-реальности, которая в терминологии феноменологической установки получила название «жизненный мир». Другими словами, это пространство смыслов внешнего мира, открытого сознанию. Оно бесконечно больше, чем может «вместить» субъект, поэтому его переживания обретают все новые и новые значения.

А значит, субъективный мир не противопоставляется миру объективному, а придает ему особое качество собственной идентичности, субъективного ощущения мира, в котором человек живет, страдает, радуется, негодует, удивляется и творит. Присоединение к опыту переживания модальности уверенности в бытии, а также вопрошания, вариативности, сомнения и т. д. философ соотносит с доксическим характером мифа.

Миф, по мнению Э. Гуссерля, представляет собой доксический акт, первопространство жизненного горизонта, изначальное недифференцированное отношение к миру, пронизывающая все сферы жизнедеятельности человека [Гуссерль, 1999, с. 116]. Миф есть то пространство, где встречается опыт сознания человека и культурно-исторический опыт (в терминах феноменологии – смыслообразности жизненного мира человека). В работах А. Ф. Лосева данная идея получает свое развитие. Мыслитель говорит о диалектическом разворачивании мифа как необходимой категории сознания и бытия вообще [Лосев, 1994, с. 10]. Миф является специфическим опытом сознания, который характеризуется непосредственностью взаимодействия с миром как целым, и реализует себя как пространство смыслообразов, образующих контекст и структуру жизненного мира человека.

То есть МАК, актуализируя мифы в практической плоскости, представляют собой по функциональности визуальный инструмент, который позволяет исследователю приблизиться к решению феноменологической задачи, обозначаемой М. Хайдеггером как выявление скрытых аспектов человеческого бытия как феномена доступного для осознания [Хайдеггер, 1987].

В свете тезисов феноменологической концепции, метафорические наборы представляют собой фиксированную визуализацию переживаний, встроенную в дихотомичные конструкты искусство-жизнь, культура-природа, душа-тело, внутреннее-внешнее, прекрасное-безобразное и др. Феноменологической сущностью описываемого нами инструментария является использование метафор, символов и ассоциаций, которые, по сути, выступают механизмами актуализации мифа, соединяя в одной плоскости доксический акт с личностными смысловыми нагрузками.

Метафора как продолжение мифа в символике МАК

Метафора выступает одним из приемов создания художественных образов и конституирования новых смыслов. З. Фрейд определяет метафору как ключевой элемент бессознательного, связанный с мифологической формой

сознания. Эта связь имеет глубокую укорененность в языке, культуре, общественной жизни. Она проявляется в гиперболизированном эмоционально-экспрессивном отражении мира через проявление концептуального признака предмета или явления и отношения к нему. Такое эмоционально-экспрессивное отражение встраивается в глубинные архетипичные структуры сознания [Фрейд, 1998, с. 44].

Э. Кассирер подчеркивает, что при взаимодействии мифа и языка происходит метафорическое освоение мира. Метафора и есть актуализация мифа через символические конструкторы.

Если взять за основу тезис о том, что смысловыми единицами мифологического сознания являются коллективные представления, которые сформировались вследствие эмоционально-чувственного познания мира, то в современном мире метафора может восприниматься как форма продолжения мифологического мышления.

Н. Арутюнова также отмечает огромную значимость использования метафоры для понимания мифической картины мира, оценивая ее на уровне триумфа человеческой мысли [Арутюнова, 1998, с. 385].

Если миф – обобщенное представление о мире, то метафора есть абстрагирование, нарушающее мифическое единство пространственно-временных связей, субъект-объектных отношений, причинно-следственных цепочек и представляющее в предельно концентрированном определении номинации идентифицируемых предметов и явлений, при этом сохраняя целостность первообраза [Осаченко, Дмитриева, 1994, с. 38].

К примеру, эмоции горя и радости в составе метафорических выражений можно представить описаниями: «испытать горя», «глубокое горе», «тяжелое горе», «горе придавило его»; «радость разливается в человеке», бурлит, играет. Этот ряд указывает на взаимосвязь метафор с экспрессивными проявлениями. Каждая метафора содержит для реципиента определенный, значимый только для него смысл, переданный особым символическим языком.

В метафорических наборах визуальные образы выступают в качестве символов. Символы метафоричны по сути, максимально условны, и замещают обозначаемый объект в дискурсе. Духовные реалии высокого порядка, абстрактные идеи и понятия, универсальные принципы и закономерности, ценности и смыслы не поддаются непосредственному восприятию и рациональному осмыслению, а потому сознание склонно их символизировать. Символ делает трудно понимаемые вещи приемлемыми для сознания. То есть символ,

закрепленный в виде вещного субстрата, есть способ «схватить» неявное, бытийное, но не осознаваемое в полной мере. Эти положения относятся и к духовности творческой активности [Хюбнер, 1996, с. 221].

Символ и символизируемое, по мнению Э. Фромма имеют между собой внутреннюю связь, так как между ними, как правило, нет внешнего, физического подобия [Фромм, 1990, с. 37]. Естественность такой связи Ф. де Соссюр связывает с работой двух механизмов: ассоциаций и аналогий. Аналогия в большей мере рациональна, так как представляет собой прояснение отношений, соответствий, совпадений элементов и свойств символа. Ассоциации же в большей мере относятся к эмоционально-чувственной сфере, поэтому сопровождают прояснение символа сильными эмоциональными переживаниями. И мы «вдохнув на чужбине запах луга, вдруг чувствуем запах Родины, и почти задыхаемся от потрясенности и радости: как такая малость смогла вместить такую огромность!» [Кураев, 1995, с. 20].

Итак, множественность интерпретаций свойственна любому символу. Такую характеристику М. Мамардашвили и А. Пятигорский связывают с некоторой степенью непонимания самостоятельности бытия. Определенная доза непроясненности должна оставаться, иначе бы мы столкнулись с элиминацией сущего. А значит, интерпретационная вариативность правомочно определить как сам способ существования символов [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 193]. Как нам кажется, это утверждение вполне созвучно мыслям П. Флоренского о познании символа. Символы высвечивают неведомое, и нам удается его осязать, нюхать, видеть, вкушать. Однако качественность неведомого ускользает от окончательного определения, анализа, закрепления. Оно живет, питая и возбуждая ум человека, проявляясь в манящей таинственной прелести символа [Флоренский, 1990, с. 138].

Символическое содержание визуальных метафор позволяет не прямолинейно, а деликатно соприкоснуться с сакральной духовностью переживаний сознания реципиента. Поскольку смысл символа не может быть истолкован раз и навсегда, он остается подвижным и принципиально незавершенным. И каждый раз снова и снова предстоит его расшифровать, так же как ставить пьесу, читать стихи или исполнять музыкальное произведение, способ существования символа – переживание, переосмысление, про- и переговаривание. Эту проблему остро чувствовал М. Бахтин, отмечая, что смысловую нагрузку символа невозможно логически разъяснить на уровне чистых понятий, приведя его к однозначной форме. Его можно лишь прояснить, приблизившись к рациональной ясности путем символический сцеплений [Бахтин, 1986, с. 361].

Символы всегда ценностны, сопринадлежны личности, а потому ориентированы на уникальность экзистенциального опыта. В то же время, люди не сочиняют символику, а живут в ней сообща, коллективно, а значит смыслы символов надиндивидуальны. В этом контексте смыслы выступают общественными императивами движения от общественного к индивидуальному сознанию. Они – итог осознания человеческого опыта переживания событий и деятельности на протяжении эпох [Пивоев, 1991, с. 26].

С помощью Метафорических ассоциативных карт исследователь получает возможность вычлениить те смыслы, которые могут содержать коренные, глобальные элементы опыта взаимоотношения с миром, мифологическую основу мироощущения. Символические смыслы открывают те переживания, которые для субъекта творчества значительны и значимы. То есть, символы всегда актуализируют особые переживания в особо подлинные, ценные экзистенциальные моменты существования. Итак, символы – это определенные способы осознания, закрепления и трансляции экзистенциальных переживаний, имеющих характер духовно-практического освоения и являющихся существенными компонентами эмоционально окрашенного коллективного или личного опыта.

Визуализированные метафорические картинки – продукт символический. Их символический потенциал в предъявлении собранных разнообразных объектов в единую линию смысла, причем каждая картинка помещается в определенную сеть соответствий, в которой может быть привязана и даже приравнена к Другому. Опору для создания такой сети смыслов дает тематизация, которая позволяет удерживать опыт в переживании.

Таким образом, человек несет в себе общество, при этом он обладает определенными ожиданиями, которые часто вступают в конфликт с культурой. А значит, он заполняет рамку, обращаясь к своему личному опыту. И чем богаче этот опыт, тем концентрированнее и значимее культура для личности.

Феноменологическая рефлексия ассоциированных переживаний через линии, образы, новые цветорешения с использованием Метафорических ассоциативных карт дает возможность глубокой рефлексии своего взаимоотношения с Миром. Анализ десятков техник и приемов работы практиков с Метафорическими наборами различной тематической направленности в символической проекции собственного Я позволяет осознать мифологему жизненного мира личности.

Выводы

В культурфилософской трактовке Метафорические ассоциативные карты являются посредниками-символами, воспроизводящими архетипические представления о мире посредством различных кодов. МАК актуализируют мифы в практической, деятельной плоскости, метафорически концентрируя и номинируя в горизонте жизненного мира доксический акт и личностный смысл.

При этом ценность данного инструмента смещается на активность сознания здесь и сейчас, в предельной свободе процессуального развертывания. В качестве специального приема не редко используется размытость, нечеткость, многозначность визуальных символов с целью нивелирования шаблонов социального опыта, поиска индивидуальности при сохранении ощущения принадлежности и связи человека с его духовным, социальным, родовым началом.

В психологическом значении МАК расширяют пределы сознания и обогащают опыт переживаний, предоставляют возможность деятельного осмысления и регуляции собственных состояний, прояснения значений, детерминаций, смыслов.

В феноменологическом значении МАК являются специфической рамкой, заключающей в себе пространство смыслов внешнего мира, открытого сознанию. Оно бесконечно больше, чем может «вместить» субъект, поэтому его переживания обретают все новые значения. Это инструмент рефлексии субъективного ощущения жизненного мира

В онтологическом значении Метафорические ассоциативные карты являются современным инструментом актуализации мифов как ориентира для человека в многообразии явлений и процессов. В самом названии заложены механизмы понимания мифологической картины мира – метафоры, ассоциации, символы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
2. **Бахтин, М. М.** Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1986. – 543 с.
3. **Гегель, Г. В. Ф.** Система наук. Часть первая. Феноменология духа / Г.В. Ф. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – С. 72–83.

4. **Голосовкер, Я. Э.** Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – Москва: Наука, 1987. – 218 с.
5. **Гуссерль, Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – Москва: ДИК, 1999. – Т. 1. – 227 с.
6. **Кац, Г.** Метафорические карты: Руководство для психолога / Г. Кац, Е. Мухаматулина. – Москва: Генезис, 2015. – 160 с.
7. **Кураев, А. В.** Традиция. Догмат. Обряд. Апологетические очерки / А. В. Кураев. – Москва: Изд-во Братства святителя Тихона, 1995. – 413 с.
8. **Лосев, А. Ф.** Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. – Москва: Мысль, 1994. – 919 с.
9. **Малиновский, Б.** Научная теория культуры / Б. Малиновский. – Москва: ОГИ, 1999. – 208 с.
10. **Мамардашвили, М. К.** Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
11. **Осаченко, Ю. С.** Введение в философию мифа / Ю. С. Осаченко, Л. В. Дмитриева. – Москва: Интерпракс, 1994. – 173 с.
12. **Пивоев, В. М.** Мифологическое сознание как способ освоения мира / В. М. Пивоев. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 111 с.
13. **Феллер, В. В.** Новый миф о будущем / В. В. Феллер. – Самара: Самарский Дом печати, 2000. – 255 с.
14. **Флоренский, П. А.** Столп и утверждение истины: в 2 т. Т. 1. Ч. 2 / П. А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – 496 с.
15. **Фрейд, З.** Положение о двух принципах психической деятельности / З. Фрейд // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. – Санкт-Петербург: Алтейя, 1998 – 312 с.
16. **Фромм, Э.** Душа человека / Э. Фромм. – Москва: Республика, 1990. – 430 с.
17. **Хайдеггер, М.** Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Зарубежная эстетика и теория литературы XIXXX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – Москва: Академический проект, 1987. – 312 с.
18. **Хюбнер, К.** Истина мифа / К. Хюбнер. – Москва: Республика, 1996. – 448 с.

REFERENCES

1. **Arutyunova, N. D.** Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. Moskva :Yazyki russkoj kul'tury, 1998. – 895 s.

2. **Bakhtin, M. M.** Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve / M. M. Bakhtin. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1986. – 543 s.
3. **Feller, V. V.** Novyy mif o budushchem / V. V. Feller. – Samara: Samarskiy Dom pechati, 2000. – 255 s.
4. **Florenskiy, P. A.** Stolp i utverzhdenie istiny: v 2 t. – T.1. Ch.2 / P. A. Florenskiy. – Moskva: Pravda, 1990. – 496 s.
5. **Freyd, Z.** Polozhenie o dvukh printsipakh psikhicheskoy deyatel'nosti / Z. Freyd // Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza. – Sankt-Peterburg: Alteyya, 1998 – 312 s.
6. **Fromm, E.** Dusha cheloveka / E. Fromm. – Moskva: Respublika, 1990. – 430 s.
7. **Gegel', G. V. F.** Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya dukha / G.V. F. Gegel'. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1992. – S. 72–83.
8. **Golosovker, Ya. E.** Logika mifa / Ya.E. Goloskover. – Moskva: Nauka, 1987. – 218 s.
9. **Gusserl', E.** Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii / E. Gusserl'. – Moskva: DIK, 1999. – T. 1. – 227 c.
10. **Kats, G.** Metaforicheskie karty: Rukovodstvo dlya psikhologa / G. Kats, E. Mukhamatulina. – Moskva: Genesis, 2015. – 160 s.
11. **Khaydegger, M.** Istok khudozhestvennogo tvoreniya / M. Khaydegger // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX-XX vv. Traktaty, stat'i, esse / Sost., obshch.red. G. K. Kosikova. – Moskva: Akademicheskiiy proekt, 1987. – 312 s.
12. **Khyubner, K.** Istina mifa / K. Khyubner. – Moskva: Respublika, 1996. – 448 s.
13. **Kuraev, A. V.** Traditsiya. Dogmat. Obryad Apologeticheskie ocherki / A. V. Kuraev. – Moskva: Izd-vo Bratstva svyatitelya Tikhona, 1995. – 413 s.
14. **Losev, A. F.** Mif. Chislo. Sushchnost' / A. F. Losev. – Moskva: Mysl', 1994. – 919 s.
15. **Malinovskiy, B.** Nauchnaya teoriya kul'tury / B. Malinovskiy. – Moskva: OGI, 1999. – 208 s.
16. **Mamardashvili, M. K.** Simvol i soznanie / M. K. Mamardashvili, A.M. Pyatigorskiy. – Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury, 1997. – 224 s.
17. **Osachenko, Yu. S., Dmitrieva, L. V.** Vvedenie v filosofiyu mifa / Yu.S. Osadchenko, L.V. Dmitrieva. – Moskva: Interpraks, 1994. – 173 s.
18. **Pivoev, V. M.** Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira / V. M. Pivoev. – Petrozavodsk: Kareliya, 1991. – 111 s.